

Р. Ш. ГАНЕЛИН

РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

Перед тем, как изложить свои краткие соображения по теме нашей конференции, хочу в качестве старейшего из присутствующих рассказать о своих впечатлениях от встреч с участниками революционного движения в Петербурге, его ветеранами, об их общечеловеческом и нравственном облике. Мне хочется обратить на это внимание потому, что в той современной литературе, авторы которой видят в революционном процессе антинародное начало, его участники бывают изображены в карикатурном виде. Между тем в российском революционном процессе устремления его участников и их представления о нем, как это часто бывало и в других случаях, не всегда совпадали с его смыслом и итогами, как бы к ним ни относиться.

В 1955 г. отмечалось пятидесятилетие Первой русской революции. Я был в составе «хозяйственного взвода», «обслуги». Мы встречали нескольких приглашенных участников событий 1905 г. – членов первого Петербургского совета рабочих депутатов и рабочих, входивших в большевистскую так называемую Боевую группу. Они должны были занять места в первом ряду президиума большого конференц-зала АН СССР с наведенными на них осветительными приборами и громадными кинокамерами того времени. Но когда мы помогли им раздеться, оказалось, что это невозможно: под пальто на них были вязаные кофты, может быть даже женские, фуфайки. Помню старика в широких лыжных шароварах. Костюмной пары из брюк и пиджака, которая тогда служила «выходной», ни на одном из них не было.

Председательствовавший на конференции акад. И. И. Минц сказал несколько строгих слов присутствовавшему секретарю горкома. И нам, «обслуге», было поручено сообщить старикам, что завтра утром их будут ждать в голубом зале Гостиного двора, где их всех оденут и обуют за партийный счет. Не только не советуясь друг с другом, но, даже не переглянувшись, все они поблагодарили и вежливо отказались. Эти люди прошли через все испытания своей жизни в нерушимой убежденности в том, что проливали кровь свою и чужую в борьбе за революционные идеалы, а не за пропуск в обкомовский распределитель.

Другое поучительное для меня соприкосновение с ветераном пролетарского революционного движения связано с отмечавшимся в 1967 г. пятидесятилетием Февральской революции. На юбилейную конференцию мне было поручено привезти в Дом ученых Марию Георгиевну Павлову, хозяйку явочной квартиры большевистского Русского бюро ЦК РСДРП в феврале 1917 года. Она была дочерью члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Е. А. Климанова и женой Д. А. Павлова, одного из сормовских рабочих, перевезенных в Петербург А. М. Горьким. Когда Марии Георгиевне было предоставлено слово, и я помог ей, почти слепой, встать на кафедру, а сам остался в президиуме в роли ее поводыря, сидевшие рядом двое представителей ЦК, скептически улыбаясь (времена были средней строгости), шепотом спрашивали, как же она станет называть посетителей своей квартиры А. Г. Шляпникова, В. М. Молотова, П. А. Залуцкого. Шляпников тогда еще не был реабилитирован, Молотов стал в 1957 г. членом «антипартийной группировки», Залуцкого же продолжали считать троцкистом. Мария Георгиевна начала свой рассказ словами: «приходит первый член Русского бюро и говорит второму, чтобы послали за третьим».

Так старая участница революционного движения преподавала урок большевистской партийности моим соседям. Глубокая интеллигентность Марии Георгиевны, реалистическое отношение к действительности и прекрасная речь произвели сильное впечатление на слушателей.

На обратном пути я прочитал ей опубликованное видными историками-архивистами тех лет Е. К. Барштейн и Л. М. Шалагиновой полицейское донесение о заседании Петербургского комитета большевиков 25 февраля 1917 г. с изложением бывших на заседании разговоров о самых воинственных намерениях на 27 февраля (сжечь, взорвать и т.д.). Не исключено, что это донесение послужило поводом к царской телеграмме, полученной вечером этого дня, 25-го февраля, командовавшим Петроградским военным округом ген. С. С. Хабаловым. В телеграмме говорилось о необходимости «завтра же» прекратить народные волнения, что и привело к открытой 26-го февраля стрельбе по демонстрантам.

Выслушав мое чтение, Мария Георгиевна преподавала урок, на сей раз, мне. «На заседаниях ПК, — объяснила она, — всегда был один из полицейских агентов, обычно И. П. Озол или В. Е. Шурканов. Думаю, что в тот раз это был Шурканов. У него было одиннадцать детей, и десяти рублей, которые жандармский офицер платил за донесение, ему было мало. И он, сам нагово-

рив всяких ужасов, писал о них как о предложенных и обсуждавшихся на заседании». «Там, ведь, не сказано, кто все это предлагал?» – переспросила она тоном деликатной учительницы. Это на самом деле оказался именно он.

Доставив Марию Георгиевну домой, я увидел ее библиотеку...

* * *

Свидетельства современников имеют, как представляется, значение и для изучения отечественной историографии революционного движения и событий 1917 г. как высшего его подъема.

Изучение и преподавание российской истории отошло с началом 1920-х гг. на задний план, а история освободительного и революционного движения, классовых отношений и борьбы стала самостоятельной отраслью знаний с ярко выраженным общественным к ней интересом. В этих обстоятельствах зародилась историография Октября. Участники событий приступили к писанию мемуаров и исторических очерков не сразу. Но с началом 20-х годов к продолжившему в июле 1917 г. выход журналу «Былое», в редакции которого главным лицом был П. Е. Щеголев, добавились в Москве, кроме «Красного архива», «Каторга и ссылка», «Борьба классов», «Книга и революция», а в Петрограде в 1922 г. «Красная летопись».

Не менее существенным, чем расширение исследовательской работы в новой отрасли историографии, было ее профессиональное становление. В среде дореволюционной университетской профессуры, в сущности, не было лиц, которые бы этим занимались. В. Я. Богучарский и М. К. Лемке принадлежали к так называемым «свободным художникам». С. А. Пионтковский и В. В. Святловский были редким исключением, не изменяя в университетском преподавании своим социалистическим убеждениям.

Важнейшую роль в формировании научного подхода к изучению революционной истории сыграли в Петрограде – Ленинграде выпускники историко-филологического факультета столичного университета, получившие там традиционно первоклассную академическую выучку. Их исследовательское мастерство, выработанное на материале, как выражались в двадцатых годах, феодально-крепостнической эпохи, источниковедческие приемы в исследовании ее актового материала, не могли не отразиться на их роли в становлении историко-революционной темы в советской историографии.

К работе по этой теме такие исследователи, как С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. А. Шилов, пришли по двум причинам. Первая состояла в

фактическом административном прекращении изучения и преподавания истории как отечественной, так и всеобщей. Но вторая причина заключалась в открывшейся возможности научного анализа революционных событий, современниками которых они оказались, осуществляющегося с применением тех приемов, которые, как говорил Б. А. Романов, были выработаны при анатомировании событий и явлений умерших исторических формаций.

Далеко не все представители старой историографии отнеслись к этому скептически. А. Е. Пресняков писал о 1905 году. Е. В. Тарле вместе с молодыми служил в Петроградском Центрархиве, который не по примеру Москвы, где делом ведал М. Н. Покровский, возглавлялся отнюдь не принадлежавшим к дореволюционным общественникам С. Ф. Платоновым. Хотя важнейшие документы старого строя в течение почти десяти лет оставались именно в Петрограде.

Не останавливаясь на отраженном в литературе вкладе, внесенном в разработку историко-революционной темы С. Н. Валком, Б. А. Романовым, А. А. Шиловым, как и в Москве – представителем того же поколения юристом по образованию Б. П. Козьминым, следует отметить, что сложившаяся в Петроградском-Ленинградском Центрархиве профессиональная сфера выдвинула исследователей следующего поколения, таких как М. И. Ахун, С. Б. Окунь. Журнал «Былое», между которым и Центрархивом действовал П. Е. Щеголев, дал революционной историографии Ш. М. Левина. В. А. Петров, Э. А. Корольчук, М. Л. Лурье, Т. Б. Крушкол, Т. К. Треногова внесли свой вклад в исследование различных вопросов истории революционного движения.

Валк и Романов оказывали свое влияние и на приезжавших из Москвы молодых представителей формировавшейся историко-партийной науки. Как и А. Г. Шляпников, участники семинара М. Н. Покровского – А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров – не только работали над петроградскими документами, но и тянулись к их хранителям. Труды этого семинара, опубликованные к 10-летию Октябрьской революции, стали важным этапом в развитии профессиональной исследовательской работы, как и обильно документированный труд Шляпникова по истории Февральской революции.

Однако в 1929–1930 гг. после передачи в Москву историко-революционных и государственно-политических архивных материалов были произведены многочисленные аресты по так называемому Академическому делу преимущественно в Ленинграде. В тюрьме оказались С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Б. А. Романов и др.

Вслед за тем в Ленинградской государственной академии истории материальной культуры началась выработка так называемой теории социально-экономических формаций, политическое предназначение которой состояло в том, чтобы обосновать признаками чуть ли не математической детерминированности неизбежность победы социализма в мировом масштабе. Это был важный этап в развитии историографии и общественной мысли в целом, независимо от того, что Сталин связывал с этим личную цель. Сын А. А. Жданова вспоминал: «Для схематиков, – пошутил он однажды за обедом, вызвав общий хохот, – история делится на три периода: матриархат, патриархат, секретариат»¹. Ведущая роль здесь принадлежала вскоре исчезнувшим молодым теоретикам-марксистам, которым представления об историческом процессе с его явлениями и событиями были чужды, и трем видным историкам-профессионалам: С. А. Жебелеву, В. В. Струве и Б. Д. Грекову, которые придали формационной конструкции базовые элементы научной выдержанности.

В 1934–1938 гг. Сталин проводит восстановление в средней и высшей школе преподавания истории, иногда называвшейся гражданской (существует мнение, что это определение повторяло существовавшее в словесном обиходе духовных семинарий, где оно применялось в отличие от церковной истории). Переломный во многих отношениях 1934-й год был ознаменован и важными событиями и на историческом, как тогда выражались, «фронте». Состояли они в высказываниях Сталина на историографические темы, приобретавших директивный характер, очевидный еще со времени появления его письма в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. В течение 1934 г. Сталин обратился к членам политбюро с письмом, содержащим критику статьи Ф. Энгельса о внешней политике царизма. Остававшееся в «самиздате» до 1941 г. оно имело своей целью отвергнуть взгляд на Россию как наиболее агрессивную силу в европейской политике. Тогда же на заседании политбюро с участием историков он устроил нечто вроде обзора учебников по истории. В школьном преподавании предмет назывался историей народов СССР. А Сталин опускал в своей речи слово «народов». Когда же нарком просвещения А. С. Бубнов его поправил, он возразил, сказав, что русский народ всегда присоединял к себе другие народы, к этому он приступил и сейчас.

Этот эпизод стал известен много лет спустя из дневника присутствовавшего на заседании С. А. Пионтковского, сохраненного после ареста автора

¹ Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону, 2004. С. 147.

его братом, известным юристом. Но через несколько месяцев в замечаниях по поводу учебника, сделанных Сталиным, Кировым и Ждановым, опубликованных лишь в 1936 г., была отмечена важность изучения истории народов России. Оно было широко развернуто в национальных республиканских и административных образованиях с привлечением московских и ленинградских сотрудников Академии наук СССР.

Изданный в 1938 г. Краткий курс истории РКП(б) знаменовал собой полную победу Сталина в установлении своей диктатуры. О политическом и историографическом значении этой книги существует значительная литература, к которой читатель может быть отослан. Отмечу лишь два сюжета, нуждающихся, как представляется, в детальнейшем рассмотрении. Не исключено, что они связаны между собой. Во-первых – разрешительное влияние, оказанное самой системой последовательного изложения истории партии, оказанное на появление общеисторических работ различных жанров – школьных и вузовских учебников, монографий. Во-вторых, обязательность периодизации, основанной на методологических принципах и выдержанной в представлениях и терминологии того времени (напр., физкультура и спорт в эпоху столыпинской реакции и нового революционного подъема, родовспоможение в период перехода от феодальной раздробленности к централизованному государству). Такова была плата за возможность исторического повествования в традиционной форме.

Не в этой ли возможности была одна из причин, по которым А. Л. Сидоров и М. Я. Гефтер отстаивали «Краткий курс» даже тогда, когда накануне XX съезда КПСС многие историки от него уже отвернулись?

XX съезд оказал на историографию революционной темы общеидеологическое влияние, выразительно охарактеризованное в появившейся с тех пор литературе. Впрочем, еще предстоит оценить то обстоятельство, что до доклада Н. С. Хрущева о культе личности Сталина историко-революционная тема была затронута в речи А. И. Микояна, а также сообщение в мемуарах М. С. Соломенцева о том, что доклад Н.С. Хрущева продолжался более шести часов с двумя перерывами². Отмечу здесь статьи реабилитированного партийного работника, участника гражданской войны, которого Н. С. Хрущев назначил заместителем начальника политотдела ГУЛАГа, А. В. Снегова

² Соломенцев М. С. Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки». М., 2011. С. 35.

(И. И. Фаликzona). Они были посвящены позиции, которую Сталин вместе с Л. Б. Каменевым занимал по отношению к Временному правительству до приезда в Петроград В. И. Ленина. Позиция эта была представлена Снеговым как полуменьшевицкая. На фоне утверждавшихся конструкций, сооруженных под девизом «Ленин и Сталин – вожди Октября», это носило вызывающий характер³.

Ходили слухи, что перед свержением Хрущева Снегов вручил ему рукопись книги «Сталин против Ленина», которую Хрущев продемонстрировал членам президиума ЦК перед отъездом в Пицунду. После отставки Хрущева Снегов продолжал свой образ действий. В 1966 г. на совещании в ИМЭЛ, посвященном книге А. М. Некрича «22 июня 1941 г.», он выступал в ее поддержку. Исключался из партии, но был восстановлен после обращения группы старых большевиков.

Что касается исследователей в области революционной истории, то я как современник событий должен отметить, что те авторы, которые обладали профессиональной подготовкой и исследовательскими способностями – что бы ни писали они в 30-х–40-х гг. – оказались наиболее восприимчивыми к общественно-политическим переменам, произошедшим после Сталина. Я никогда не забуду заседания в МГУ в 1956 г., устроенного кафедрой истории КПСС для «проработки» журнала «Вопросы истории», редакция которого возглавлялась А. М. Панкратовой и Э. Н. Бурджаловым. О том, какую роль играл тогда этот журнал, хорошо известно. Соппротивление линии XX съезда КПСС, которую олицетворял и отстаивал журнал, было целью того заседания в МГУ, где я оказался. И когда один из ораторов П. Н. Патрикеев стал перечислять связанные с Октябрьской революцией уже решенные, по его словам, вопросы, которые не могут быть предметом дискуссии, он был поставлен в тупик неожиданной репликой Э. Б. Генкиной: «А можете ли Вы назвать такой вопрос, который предметом дискуссии быть может?» А, ведь, Генкина была автором работы о Сталине в обороне Царицына. Но нельзя забывать и того, что начала она свой путь весьма интересной, ныне многими забытой работой о Февральской революции в трудах семинара Покровского в 1927 г.

Тот же оратор, чтобы представить Бурджалова историком, меняющим свои позиции, напомнил о его статье, посвященной «Краткому курсу истории

³ Микоян С. А. Алексей Снегов в борьбе за десталинизацию // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69–84.

ВКП(б)». В ответ Е. Н. Городецкий сказал, что едва ли не единственный среди присутствующих, не боящийся таких обвинений, это сам П. Н. Патрикеев, который никогда ничего не писал и, во всяком случае, не печатал. Снятый тогда со своего поста и как бы в наказание отправленный на научно-педагогическую работу Бурджалов стал автором фундаментального двухтомного исследования о Февральской революции.

Профессиональные основы исследовательской работы поддерживались и укреплялись многотомными публикациями документального материала, посвященными событиям 1905 и 1917 гг., а также своеобразной историко-юридической серией «Декреты Советской власти», изданной при ближайшем участии С. Н. Валка. В свою очередь, эти работы имели традиционную связь с известными публикациями о рабочем и крестьянском движении, выходящими под руководством академиков А. М. Панкратовой и Н. М. Дружинина.

Годы так называемого застоя вовсе не были бесплодными для историографии 1917 года. Многотомник И. И. Минца, изданные Ленинградским отделением Института истории АН СССР коллективные труды «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (1967) и «Революционный Петроград в 1917 г.» (1977), монографии П. В. Волобуева, В. И. Старцева, Ю. С. Токарева, А. Л. Фраймана, О. Н. Знаменского, В. Н. Гинева, Г. Л. Соболева, Е. П. Ерыкалова, И. А. Баклановой, З. В. Степанова, Т. М. Китаниной, В. И. Миллера, Г. З. Иоффе, А. Л. Ненарокова, А. Я. Грунта, А. Е. Иоффе, А. В. Игнатьева и др. знаменовали собой дальнейший этап в изучении Октябрьской революции. Из коллег по ЛОИИ нельзя не отметить упорно шедших против течения В. И. Биллика и П. Н. Михрина, о которых мне пришлось написать специально⁴. Профессионализм многих этих исследований не только вне сомнений, но и служит эталоном для исследователей других периодов истории советского общества. Сформировались в качестве важнейших элементов вспомогательных исторических дисциплин источниковедение и историография Октябрьской революции. Впрочем, написанный О. Н. Знаменским и В. И. Старцевым историографический очерк к «Октябрьскому вооруженному восстанию» включен в текст издания не был. Опубликовать его удалось лишь в сборнике статей и материалов, посвященном памяти О. Н. Знаменского⁵.

⁴ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х годах. СПб., 2006. Приложение. С. 293–313.

⁵ Рабочие и российское общество. СПб., 1994. С. 8–40.

Сохранялись два наиболее очевидных недостатка. Первый из них – освещение роли Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева и др. Второй – стремление руководителей историко-партийной науки освещать революцию как событие безальтернативное, не только объективно обусловленное социально-экономическими и политическими предпосылками, но и исторически неизбежное. Чтобы «подвести» Россию под общую схему детерминированной смены капитализма социализмом, в 70-х гг. была сделана попытка оттеснить на задний план исследовательские положения об отсталости и многоукладности российской экономики выдвиганием постулата о среднем уровне капиталистической развитости страны. Некоторые стереотипы, установившиеся в советской историографии, были в какой-то мере подтверждены в течение нескольких лет после разгрома панкратовско-бурджаловской редакции «Вопросов истории» в 1957 г. Роль в революционных событиях меньшевиков и эсеров, которые определялись как партии мелкой буржуазии, в отличие от большевиков, считавшихся единственной партией пролетариата, признания так и не получила. Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. оставались под гнетом прежних обвинений, хотя и несколько ослабленных. На обсуждении «Октябрьского вооруженного восстания» в редакции журнала «История СССР» наши московские коллеги, чтобы обезвредить обращенную против нас «партийную критику», раздававшуюся под старым лейтмотивом «Ленин и Сталин – вожди Октября», пошли на сочетание тактических приемов с обходными маневрами. К. В. Гусев с самого начала обсуждения заявил, что недостаток одной из глав, принадлежащей автору этих строк, – недооценка роли эсеров, а П. В. Волобуев, имея в виду обвинения Каменева и Зиновьева в колебаниях по поводу восстания, пустился в убедительные рассуждения как бы житейского характера. «Это Ленин был гений, – заявил он, а они – обыкновенные люди вроде нас с вами. Ленину все было ясно с самого начала до конца, а они хотели семь раз отмерить, перед тем как отрезать, проявив чувство политической ответственности».

Кстати сказать, звучавшее в течение ряда лет обвинение их в том, что они в своей статье в газете «Новая жизнь» выдали сроки восстания, руководству историко-партийной науки пришлось фактически дезавуировать. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» было сделано примечание о том, что этот срок был установлен на заседании в квартире Суха-

новых⁶. Что ее хозяин, «известный меньшевистский публицист», был редактором той самой «Новой жизни», в которой выступили Зиновьев и Каменев, не отмечалось. Но подчеркивалось, что его во время заседания не было дома, а квартиру, «весьма удобную с точки зрения конспирации», предоставила жена Суханова большевичка Г. К. Флаксерман. Возможность читательской иронии во внимание не принималась.

Более существенной проблемой историографии революционного процесса была его социально-экономическая природа. Школа А. Л. Сидорова, о которой теперь немало написано В. В. Поликарповым, а также зарубежными авторами, приступила после войны к изучению российской экономической жизни предреволюционных десятилетий. Занявшиеся после войны научной работой П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, В. И. Бовыкин, К. Ф. Шацилло, В. Я. Лаверычев, Т. Д. Крупина, А. Я. Аврех, А. М. Анфимов, М. С. Симонова, А. М. Соловьева, В. А. Емец вместе с представителями старшего поколения А. Л. Сидоровым и И. Ф. Гиндиным пошли в архивы, (где стали доступными фонды банков, финансовых и промышленных предприятий), чтобы посмотреть, что же представлял собой российский капитализм как предшественник социализма. Возникла значительная литература — статьи в «Исторических записках», монографии, сборники документов о монополистическом капитале в различных отраслях промышленности. Началось тщательное изучение развития капиталистических отношений в российской деревне. Экономической историей XIX в., развитием российского капитализма, кроме выдающихся представителей старшего поколения советских исследователей В. К. Яцунского и М. К. Рожковой, плодотворно занимались рано ушедшие Ю. Я. Рыбаков и Л. В. Куприянова.

В Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ), закрытом в 1953 г., но восстановленном в 1955 г., к ним примкнули М. П. Вяткин, А. А. Фурсенко, Б. В. Ананьич, В. А. Нардова, С. И. Потолов, Э. Э. Крузе, Т. М. Китанина, И. А. Бакланова, А. Н. Титова, Р. Ш. Ганелин. Близость к Центральному историческому архиву в Ленинграде с его фондами экономического характера, была одной из причин активной роли сотрудников ЛОИИ в издании фундаментальных сборников документов по истории нефтяной и металлургической промышленности. Экономические исследования и публи-

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. Председатель главной редакции П. Н. Поспелов. М., 1967. С. 301.

кации были подчинены интересам анализа революционного процесса и тех его предпосылок, которые определялись тогда как объективные (в противоположность субъективным, связанным с массовым движением и политической борьбой). Косвенными, но убедительными свидетельствами этого являются два обстоятельства. Как и большинство статей по промышленной истории, сборники документов были посвящены развитию монополий, в котором хотели видеть предуготовление революционных преобразований. Не случайно первым из этих сборников был двухтомник «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», изданный в 1957 году. Впоследствии он был дополнен третьим томом, посвященным сельскому хозяйству. Из составителей двухтомника следует отметить, кроме уже названных исследователей предреволюционного периода Л. В. Куприянову, А. М. Соловьеву, В. В. Лебедева, тогдашних сотрудников ЦГИАЛа М. А. Плюхину и Л. Е. Шепелева.

В конце 1960-х годов в школе А. Л. Сидорова⁷ (он скончался в 1966 г.) произошел раскол, продолжавшийся в 1970-х гг. Некоторые из ее участников исследований стали требовать приведения исследований в строгое соответствие с теорией формаций, истолковываемой унитарно-догматически. Ведущий представитель этого направления В. И. Бовыкин рассказывал мне, что эта позиция встретила одобрение со стороны видных историков КПСС, которые сигнализировали в ЦК о вредности иных толкований дела.

К. Н. Тарновский и оказавшиеся в одном с ним, противоположном этому лагере, тоже были марксистами и ленинцами. Но они очень скоро убедились в том, что за продвинутыми экономическими и финансовыми формами, во многом соответствовавшими тому, что было в то время на Западе, проглядывали традиционные черты старой российской действительности, не только деревенской, но и городской. Что касается деревни, то ее изучение связано с именем А. М. Анфимова, который в буквальном смысле пересчитал землевладение и землепользование всей страны. Развитость капиталистических отношений в сельском хозяйстве оказалась очень сомнительной. А не забывавшая о коллективизации власть была к этому особенно чувствительна: недаром уничтожен-

⁷ Еще предстоит установить влияние на нее взглядов Р. Люксембург и К. Либкнехта (см. мнение Я. С. Драпкина в сборнике «Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения». Под. ред. М. Я. Гефтера (отв. ред.), А. Я. Грунта, В. Л. Малькова, Л. Н. Черновой. (М., 1969. С. 298).

ные выдающиеся знатоки российской деревни Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов оставались без полной научной реабилитации до начала перестройки.

К. Н. Тарновский и те, кто, как и он, считали нужным изучать российский капитализм по источникам, выходящим за пределы круга банковской и связанной с ней документации, и пытались анализировать экономическую и социальную действительность по различным ее проявлениям, оказывались в противоречии с принципом детерминированной смены одной формации другой, особенно капитализма социализмом. Капитализм должен был быть для этого если не перезревшим, то вполне зрелым, а этого, по крайней мере, в общероссийском масштабе, не получалось. Заявления такого рода, да еще сделанные «снизу» (П. В. Волобуев, хотя и работал некоторое время в ЦК, не занимал в партийно-иерархическом отношении такой высокой позиции, чтобы выдвигать «новые положения», его пост директора академического института был для этого недостаточен), не могли не вызвать сопротивления идеологических «верхов». Заведующий Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезников, работавший с Л. И. Брежневым в Кишиневе, автор книг по истории аграрного вопроса, недвусмысленно и ясно выступал в защиту теории формаций и против «новопротченцев».

Слово «новопротченцы» носило в устах их противников уничижительный характер, а сами они стремились вычитать у Ленина наиболее реалистические оценки исторической действительности, например, его теорию об экономической многоукладности, на которую с осторожностью ссылались как на аргумент против сторонников «полной и окончательной» победы капитализма. Но существовала московская острота с подменой «многоукладности» на по-настоящему спасительную «многоподъездность». Дело в том, что в другом подъезде ЦК (не том, который вел в Отдел науки) помещался Международный отдел, где «новопротченцы» пользовались некоторой поддержкой. В отличие от ортодоксов, настаивавших на неотвратимости победы социализма во всем мире, «международники», ведавшие отношениями с зарубежными компартиями, вряд ли могли настаивать перед их руководителями на обязательности такой перспективы и для них. Все это началось в середине 1960-х гг. и завершилось разгромом «новопротченцев» в 1973 г.

Но одновременно историография революционного процесса оказалась под другим официальным влиянием, не менее неотвратимым, чем партийное, и, пожалуй, ему противоположным. В июле 1967 г. в Комитете государственной безопасности по инициативе его нового председателя Ю. В. Андропова было создано решением Политбюро 5-е управление этого ведомства для

борьбы с идеологическими диверсиями и диссидентством во главе с ген. Ф. Д. Бобковым. Надо полагать, что среди причин его создания были не только недовольствие «верхов» по поводу книги А. М. Некрича о 22 июня 1941 г, но и предстоявшее пятидесятилетие Октябрьской революции. Управление имело в аппарате Лубянки свою предысторию⁸.

Ф. Д. Бобков и сам Андропов стали создавать свою теорию происхождения революции. Схема смены формаций, на которой было построено изложение предпосылок революции, со стремлением к анализу внутренней природы исторического процесса, противостояла представлениям о его полной управляемости, сведению причин социальных сдвигов исключительно к злонамеренным и заговорщическим действиям различных лиц или групп. Этот подход к делу, восходивший к старой полицейской его трактовке, получившей некоторое распространение в эмигрантской среде, оказался привлекательным на Лубянке. Результатом этого явилась вышедшая в 1974 г. книга яркого и популярного в читательской среде автора-американиста Н. Н. Яковлева «1 августа 1914 г.», задуманная для противодействия солженицынскому «Августу 1914 г.», который оценивался на Лубянке как недостаточно патриотический. Сам Н. Н. Яковлев изложил после начала перестройки историю происхождения своей книги, о ней писали В. В. Поликарпов с В. В. Шелохаевым, и автор этих строк, остановившийся на позднейших утверждениях лиц, бывших в 1970-х гг. у руководства комсомольским издательством «Молодая гвардия», в котором вышла книга Н. Н. Яковлева, о том, что заслуга ее издания принадлежит им, а не руководителям КГБ⁹.

В знак уважения к памяти Н. Н. Яковлева, рецензировавшего в ВАК в 1970 г. мою докторскую диссертацию, прежде всего изложу его собственный рассказ о литературных связях с учреждением на Лубянке. В 1968 г., сообщал Н. Н. Яковлев в приложении «О “1 августа 1914 г.”, исторической науке, Ю. В. Андропове и других» к третьему, дополненному, изданию «1 августа

⁸ См.: Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 185–186; Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаенные страницы советской истории. М., 2008. С. 371–372; Абрамов Вадим. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005. С. 480–481.

⁹ Поликарпов В. В. Цусима советской историографии // Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 11–159; Ганелин Р. Ш. Политические ситуации конца XX – начала XXI вв. и исторические оценки причин гибели царизма // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008. С. 7–24.

1914 г.» (М., 1993), он, как и за 10 лет до того, стал подвергаться преследованиям по инициативе «умельцев из международного отдела ЦК КПСС». «К охоте на «троцкиста», каким я был ими объявлен, присоединились славные чекисты. Справиться с ними, объединившими усилия, было практически невозможно», – писал Н. Н. Яковлев. Ему «пришлось прибегнуть к последнему средству» – обращению к знавшему его с детства Д. Ф. Устинову (отец Н. Н. Яковлева Н. Д. Яковлев был маршалом артиллерии и начальником Главного артиллерийского управления). «Дима», как звали Устинова дома, послал его к «Юре» – Ю. В. Андропову, незадолго до того возглавившему КГБ (он еще в Петрозаводске совмещал комсомольскую работу со службой в этом ведомстве). Жалобы Н. Н. Яковлева не были даже выслушаны. «Эти пустяки отметем», – заявил Андропов, посмотрев документы. Вместо этого между телефонными докладами о ходе суда по диссидентским делам председатель КГБ заявил по поводу процесса Синявского и Даниэля, «что не дело судить писателей». «Суть его обтекаемых фраз сводилась к тому, что слову нужно противопоставлять слово. С чем я горячо согласился и, получив любезное приглашение заходить, откланялся», – писал Н. Н. Яковлев¹⁰. Вскоре он был вызван к Бобкову и после этих двух визитов «больше не ощущал наглых выходов КГБ». «На том бы дело и кончилось», – считал он, если бы не просьбы «Димы» «не забывать «Юру» и помогать ему». Он приписывал их влиянию жены Устинова. «Приятельница моей покойной матери, – писал Н. Н. Яковлев, – Таисия Алексеевна скептически относилась к общему развитию супруга и его коллег по Политбюро, носилась с идеей расширить его, наивно предлагая приглашать меня читать им лекции. Видимо, она, замечательная русская женщина, что-то еще наговорила лестное обо мне Андропову. Обижать хороших людей и к тому же теперь вождя, как-то не хотелось, и я стал время от времени захаживать на Лубянку, вести ученые беседы сначала несколько натянутые с Андроповым и интереснейшие с быстро поднимающимся по служебной лестнице Бобковым», – в нарочито шутливой манере писал Н. Н. Яковлев.

Замысел дела был очень прост. ОГПУ-НКВД имело традиционный интерес к масонству¹¹, и арестованных по различным обвинениям издавна допраши-

¹⁰ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. Изд. 3-е, дополн. М., 1993. С. 286–287.

¹¹ Вот как ответил В. А. Крючков на вопрос: «Интересно, а КГБ масонством занимался?»: «Было время, когда к масонским ложам относились, как к чему-то сказочному, потом выяснилось, что это серьезное дело, которым надо было заниматься... Комитет заинтересовался этой проблемой, но чтобы ее размотать по-настоящему, нужно было, чтобы ею за-

вали по этому поводу. Н. Н. Яковлеву были предоставлены протоколы предсмертных допросов профессора-инженера товарища министра-председателя Временного правительства Н. В. Некрасова и депутата IV Думы, ставшего в Февральские дни помощником коменданта Петрограда Л. А. Велихова, в которых упоминались как виновники Февральской революции масоны.

Приводя относящиеся к масонской теме фрагменты их показаний, Н. Н. Яковлев, отчетливо сознавая сомнительность этих источников, называл их отрывками из записанных в 30-е гг. рассказов. Хотя Н. Берберова, признававшая масонскую роль, и А. Я. Аврех, стоявший на противоположных позициях, отнеслись к сообщенному Н. Н. Яковлевым с доверием, его книга на протяжении примерно пятнадцати советских лет многочисленных последователей не имела и даже вызвала возражения в печати, хотя одобренную в партийных сферах отрицательную рецензию на нее Андропов изъял из уже сверстанного номера журнала. Но в 1989–1990-х гг. «беспредпосылочная» трактовка происхождения революционного процесса обрела устойчивость, характеризующую ее распространенность и сегодня. Талантливый и яркий литературный критик И. Дедков опубликовал в 1992 г. незадолго до своей кончины статью «От “Августа 1914” – к “Марту 1917”», в которой с этой точки зрения рассматривал с горечью за А. И. Солженицына его «Красное колесо»¹². Для тех ревнивых опасений, которые раньше вызывал на Лубянке «Август 1914», больше не было оснований.

Изображение революции как устроенной масонами исключало не только изучение, но и признание исторических к ней предпосылок. Она и поныне рассматривается некоторыми авторами как рукотворное дело злых сил – не только масонов, но и либералов, иностранных агентов, интеллигентов-антипатриотов и т.п. В книге Валерия Шамбарова «Нашествие чужих: Заговор против империи» читаем: «Факты говорят о том, что российская революция вообще не была вызвана ее внутренними экономическими или социальными проблемами. Она была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно и расчетливо расколоть русский народ. Расколоть искусственно – с тем, чтобы стравить людей между собой. Участвовали в этом деле транснациональные корпорации, правительственные, финансовые круги и спецслужбы за-

нялось и высшее политическое руководство. А там такого желания не было...» (Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Указ. соч. С. 372).

¹² Ныне см. об этом статью А. Туркова в «Знамени» (2008. № 11).

падных держав. Причем не только и не столько тех держав, которые находились с Россией в состоянии войны, но и государств, считавшихся ее друзьями и союзниками, – в первую очередь США и Великобритании, для которых наша страна в начале XX века стала слишком сильным конкурентом.

А непосредственными проводниками их разрушительных планов, исполнителями политических, экономических, идеологических диверсий стал ряд агентов, занимавших высокие посты в российском и советском государстве. Витте, Барк, Ломоносов, Протопопов, Львов, Терещенко, Керенский, Скобелев, Чернов, Мартов, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Ларин, Ганецкий, Радек, Коллонтай, Крупская и др.»¹³. Витте исчез из этого списка, приведенного и в аннотации к книге. А Ленин, представленный Крупской, отсутствовал в обоих его вариантах, вероятно, потому, что Парвусу не удалось «вовлечь Ленина в масонство». «Правда, в последующих взглядах Владимира Ильича, – пишет В. Шамбаров, – отразилось некоторое влияние теорий иллюминатов, но его атеизм был абсолютным. Он был принципиальным противником не только христианской религии, а любых учений, связанных с мистикой, потусторонними смыслами и сакральными ритуалами»¹⁴. Шамбаровский список «агентов» состоял, кроме масонов, из евреев, но Ленин, несмотря на дедушку, включен в него не был.

Впрочем, мать Ленина М. А. Бланк, по словам В. Шамбарова, «происходила из семьи шведских евреев – по этой причине, судя по всему, у нее выработалась стойкая неприязнь к России, ее порядкам и традициям». Вряд ли брак между принявшим православие в Петербурге житомирским евреем и родившейся в России полушведкой-полунемкой мог создать семью шведских евреев.

А мать Н. К. Крупской, которая, как считает В. Шамбаров, «нацелила на путь революции» свою дочь, поскольку была, по его словам, урожденной Фишман, никогда не носила этой фамилии¹⁵.

С особой силой В. Шамбаров настаивает на губительности для России реформ. Представление о том, что промедление власти с их осуществлением

¹³ Шамбаров В. Нашествие чужих; заговор против империи. М., 2007. С. 5–6. См. также его статью под заглавием: «Русский бунт, спланированный и осмысленный» в «Литературной газете» (2007. 1 августа. № 37). Среди книг В. Е. Шамбарова см.: За веру, царя и отечество. М., 2003; Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2006. С одобрением отнесся он к Сталину и процессам 30-х годов (Шамбаров В. Нашествие чужих. С. 588–589).

¹⁴ Шамбаров В. Нашествие чужих. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 26–27. О происхождении В. И. Ленина и Н. К. Крупской см.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004.

привело к революции, он считает внедренным в историческую литературу «самими либералами и их зарубежными покровителями»¹⁶.

Не возвращаясь к вопросу о том, переживал ли старый строй кризис, превратившийся в условиях мировой войны в катастрофу, следует лишь напомнить, что полицейская опытность П. Н. Дурново дала ему возможность в начале 1914 г. предупредить о неизбежности такого исхода¹⁷.

¹⁶ Шамбаров В. Нашествие чужих. С. 124–125.

¹⁷ О предупреждениях такого рода см.: Урилов И. Х. История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 4. М., 2008. С. 262–263, 335.